

Дашдорж – лама-молитва (устные легенды о магической силе священного слова)

Анна Д. Цендина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, annatsendina@gmail.com*

Аннотация. В культуре монгольских народов чрезвычайно сильна вера в магическое действие священного текста, сакрального имени божества, молитвенного слова или звука. Прежде всего это проявляется в буддийской церковной службе и околоцерковных обрядах. Наполнена этой верой и повседневная жизнь монголов. Чтение канонических трактатов, магических формул (*мантр* и *дхарани*), включение их в разнообразные сочинения, приписывание чудесной силы отдельным книгам, использование молитвенных колес и флажков – всем этим проникнуто представление о мироустройстве монголов-буддистов. В этом ряду особое место занимает локальная традиция, существовавшая в столице Северной Монголии в конце XIX – начале XX в. Она заключалась в вере в то, что произнесение имени местного ламы Дашдоржа и рассказ о случаях из его жизни обладают такими же чудотворными возможностями. В записях остался ряд устных легенд о нем, в которых он предстает чудотворцем. Истоки этих легенд не вполне ясны. В исторических источниках встречается имя некого Дашдоржа, бывшего именно в этот период старшим ламой (*да-лама*) столичного монастыря. Он был известен тем, что критиковал маньчжурскую власть и продажных монгольских чиновников. Возможно, антиманьчжурская позиция и откровенные выступления послужили основой его популярности и придания его имени особого сакрального характера.

Ключевые слова: Монголия, легенды, народная магия, сакральный текст, магическая формула

Для цитирования: Цендина А.Д. Дашдорж – лама-молитва (устные легенды о магической силе священного слова) // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2019. Т. 2. № 3. С. 31–44. DOI: 10.28995/2658-5294-2019-3-31-44

Dashdorj – the lama who was a prayer (oral legends about magic powers of the holy word)

Anna D. Tsendina

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, annatsendina@gmail.com*

Abstract. The belief in magic effects of a holy text, sacred name of a deity, a prayer word or sound is very strong in the culture of Mongolian peoples. This primarily manifests in Buddhist church service and related rituals, but also fills everyday life of the Mongols. Reading canonical tracts, magic formulas (*mantras* and *dharanis*), including these in various writings, attributing magic powers to specific books, using prayer wheels and flags – this all pervades the Buddhist Mongols' view of the world order. A local tradition that existed in the capital of North Mongolia at the close of the 19th and beginning of the 20th century stands out – a belief that saying the name of the local lama Dashdorj and telling about some episodes of his life are vested with similar miraculous powers. Some oral legends of him, portraying Dashdorj as a miracle worker, have been recorded. The roots of these legends are rather unclear. There are some mentions of one Dashdorj in historical sources who used to be a senior lama (*da-lama*) in a monastery in the capital. He was well known for criticizing Manchurian authorities and corrupt Mongolian officials. His anti-Manchurian views and outspoken opinions might have become the reason for his popularity and for attribution of specific sanctity to his name.

Keywords: Mongolia, legends, folk magic, sacred text, magic formula

For citation: Tsendina, A.D. (2019), “Dashdorj – the lama who was a prayer (oral legends about magic powers of the holy word)”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 2, no. 3, pp. 31–44. DOI: 10.28995/2658-5294-2019-3-31-44

Вера в магическое действие священного текста, сакрального имени божества, молитвенного слова или звука не просто широко распространена у народов, исповедующих северный буддизм, но является одной из основополагающих черт их мировосприятия, уходящих корнями в древние верования индийцев, тибетцев и монголов, в шаманизм и другие добуддийские религиозные представления. Магия является квинтэссенцией всех народных обрядов, направленных на призывание божеств, чтение магических формул и молитв, вращения молитвенных барабанчиков, развешивания

флажков с изображениями божеств и молитвенными текстами и пр. Она также суть собственно религиозных ритуалов: монастырских служб, тантрических действий, визуализации, например, того или иного божества, слияния с ним и совершение с этой помощью мистических обрядов. Вознося молитву какому-либо божеству, тибетец или монгол не пытается «убедить» божество помочь ему в его бедах или защитить от несчастий, а приводит в действие магический «механизм», заставляющий это божество действовать так, как ему нужно, хочет само божество этого или нет. При этом обращение к божеству имеет два основных посыла – умиловление или подавление.

Прежде всего следует назвать сравнительно большие тексты из буддийского канона, которые считаются словами Будды – их чтение вслух считалось исключительно полезным и действенным. Это «Алмазная сутра» (санскр. Vajracchedikā; тиб. rDo rje bcod pa; монг. Včir-iyar oytuluγči), «Сутра золотого луча» (санскр. Suvarṇaprabhā; тиб. Ser 'od, монг. Altan gerel). Такая же сила приписывается и тантрическому каноническому тексту «Истинное произношение имени Манджушри» (санскр. Mañjuśrī-nāma-saṃgīti; тиб. 'Jam dpal mtshan brjod; монг. Manjusri-yin ner-e-yi üneger ögölekü).

Наиболее частой реализацией представления о магической силе произнесения текста вслух является повторение *мантр* и *дхарани*, самой популярной из которых является известная теперь во всем мире молитва, обращенная к бодхисаттве Авалокитешваре – «Ом мани падмэ хум». Прочитать миллиард раз «Мани» (так называется эта молитва), перебирая четки, – большая заслуга буддиста. Существовало поверье, что одно чтение «Мани» с перебором четок равняется вознесению всех родов воскурений. Произносят молитву индивидуально, хором, семьей, группой семей, с соседями, совместно монахами и мирянами. Читают, обходя кругом святыни. В Монголии существовало и существует богослужение под названием «Богослужение Мани» (совр. монг. «Маанийн бүтээлийн хурал»). Во время таких богослужений монахи и миряне вместе читали молитву «Мани», перебирая четки. Иногда этот ритуал занимал до нескольких дней; причем некоторые участники, повторяя молитву дома, о количестве прочитанных молитв вечером или утром докладывали *гэсгую* – надзирателю за исполнением монастырского устава. Даже богоугодные дела требуют строгого учета.

Есть сложные текстуальные комбинации с молитвенной формулой «Мани». В Тибете и Монголии был чрезвычайно распространен ритуал «Вознесение Мани», т. е. чтение нараспев формулы «Мани» внутри какого-либо другого стихотворного сочинения. Так, эту молитву включали в хвалу Авалокитешваре, в *магталы*

(хвалы) пяти дхьяни-будд или других божеств, в *магталы* различных перерождений – *хутухт* и *хубилганов*, в разнообразные моления, поучения, стихи о благодарности родителям, Трем благодетельным (отцу, матери и учителю), в другие стихи, которые читались на монгольском языке. Чтение этой *мантры* внутри стихотворных сочинений, являющихся благопожеланиями или хвалами, придает всему произведению магическую силу.

Молитва «Мани» и канонические молитвенные тексты – это суть северного буддизма, главная функция подобных текстов в устном или письменном виде – магическое воздействие на высшие силы. Однако есть данные о том, что магическое свойство приносить благополучие и устранять препятствия и болезни, чинимые духами и демонами, приписывались и некоторым неканоническим и немолитвенным текстам, даже сюжетным нарративам. Так, например, считалось, что чтение вслух монгольской «Повести о Зеленой Дара-эхэ», совсем не относящейся к канонической литературе, более того, очень далекой от нее, приносит неисчислимые религиозные заслуги и «приводит в действие» трансцендентные «положительные» силы. В самом тексте на вопрос владыки ада Эрлик-Номун-хана «Велика ли сила благословения Зеленой-Дара-эхэ?» героиня отвечает: «Не знаю, но в давние времена будда Шигэмуни говорил, что если прочитать вслух “Повесть о Зеленой Дара-эхэ”, то можно избежать три плохие судьбы» [Damdinsürüng 1959, с. 226].

Другие примеры демонстрируют функционирование локальных традиций почитания сочинений, чтение которых приносит благо. В маленьком тексте, написанном на монгольском языке, но тибетским письмом, в котором перечисляются названия общин монахов в столице Северной Монголии Их-Хурэ, сказано: «Устное перечисление этих 30 названий общин – так, как указано, по кругу, при различных действиях: ночевке в степи, выборе нового места при кочевании, остановке и прочем приносит удачу и счастье. Об этом есть предсказание Джебдзун-Дамбы» (*'i de ger 30 A'i mag nere se ge he re he no hwa'i bo ywu zhi ni nwa thag thu pa kwa ha' pa bo tshan du pa kwa ha pa ther gu theng du 'a le pa 'u'i le seng dur 'we ni yo so ka ra' 'er gu kyi 'wum zhe pa sa 'er hem 'wol tse'i the'i he me'ing rdze btsun dam pa'ing lung bstan bo las*; совр. монг. Эдгээр 30 аймаг нэрсийг хээр хонох буюу шинэ нутагт буух ба бууцанд буух ба тэргүүтэнд алив үйлсэнд энэ ёсоор эргэж уншваас эрхэм өлзийтэй хэмээн Жавзандамбын лүндэн болой)¹.

¹ *rJe btsun dam pa bla ma ke geng theng nwa khu re ne'i 30 A'a mag ge'ing ner bo las* (Названия 30 общин Хурэ Джебдзун-Дамба-ламы) // Личный архив Р. Отгонаатара в г. Улан-Батор, Монголия.

Такой же силой, по представлениям буддистов Их-Хурэ, обладал маленький текст «Список имен дацана» (монг. Дацангийн цанто; от тиб. *Grva tshang gi mtshan tho*) – список имен ученых лам Дашчоймпэл-дацана в Их-Хурэ.

Обратимся теперь к устной рефлексии монголов на эти представления. Существуют многочисленные фольклорные нарративы о пользе произнесения священного текста или звука. Это легенды о том, как чтение того или иного сакрального текста спасло кого-то от несчастья.

Хорошо известны целые своды новелл на тибетском языке, повествующих о пользе чтения так называемой «Алмазной сутры» (санскр. *Vajracchedikā*; тиб. *rDo rje bcod pa*; монг. *Včir-iyar oytuluуči*), или «Доржжодвын паян» (тиб. *rDo rje bcod pa'i phan yon*). Они были весьма популярны и в Монголии. В них рассказывается о случаях, когда чтение «Ваджрачхеддики» спасло того или иного человека от несчастья. Такие своды новелл, без сомнения, появились на основе устных легенд [Ёндон, Сазыкин 1998].

Одна из существующих двух санскритских версий сочинения «Истинное произношение имени Манджушри» содержит так называемый комментарий к нему, в котором имеются «исключительно подробные сведения о множественной пользе чтения имен бодхисаттвы Манджушри» [Сазыкин 2006].

Есть такие сюжеты и среди записей фольклорных текстов. Вот, например, устные новеллы о том, что чтение «Сутры золотого блеска» (соврем. монг. Алтангэрэл) и «Цанто дацана» избавляет от дурного.

«Алтангэрэл» приносит монголам счастье. Мы из *сомона* Дарви Кобдоского аймака. Когда мы были детьми, наша матушка, если летом было мало дождей, отправлялась к роднику и заставляла нас, детей, ходить вокруг родника, держа развернутый том сутры «Алтангэрэл». И действительно, скоро начинался дождь. В наших местах бывают частые пожары степного ковыля. Наша матушка в таком случае брала «Алтангэрэл» и махала им в сторону огня со словами: «Пусть не случится опасности для людей. Пусть переменится ветер, и пожар уйдет в другую сторону!» А в другой стороне была река, там пожар должен был затухнуть. Не знаю, что было причиной, но и вправду вскоре менялся ветер, пожар поворачивал в другую сторону и, упершись в реку, затухал. За сутрой «Алтангэрэл» стоит *бурхан* Намсарай. Если поклоняться ей, он помогает. Так говорят [Монголын бурханы шашны аман түүх 2012, с. 32–33].

Говорят, тому, кого ужалила змея, следует читать «Алтангэрэл» и «Мажаа чэнмо до» [Монголын бурханы шашны аман түүх 2012, с. 33].

Если человека укусит волк, прочитай «Сутру золотого блеска» по числу своих лет» [Хар домын судар 1990, с. 11].

В старые времена жил в Их-Хурэ бурятский лама Чойсурэн. В 1930-х годах его арестовали, и он около 10 лет просидел в тюрьме. Когда он вышел из тюрьмы, у него не было ни дома, ни родных, ни друзей. Не на что было питаться, и он очень страдал. Как-то он встретил одного человека, с которым вместе был монахом в монастыре, и рассказал о своих несчастьях. «Зачем ты так страдаешь? Прочитай “Алтангэрэл” и все», – сказал тот. Чойсурэн подумал: «Действительно, что это я? Нужно читать “Алтангэрэл”. Когда человек испытывает страдания, ему хорошие идеи и в голову не приходят. Если есть сутра “Алтангэрэл”, почему я так страдаю?» Он стал читать «Алтангэрэл». В течение трех месяцев он много раз прочитал сутру «Алтангэрэл». После этого Чойсурэн-гуай вышел из бедности и постепенно стал довольно сносно и благополучно жить. «Раньше я думал: “Как мне устроить свою жизнь? Как жить в такой бедности? Откуда брать пропитание? А теперь не знаю, куда девать все имущество”». Так он говорил позднее. Его жизнь наладилась благодаря тому, что он читал «Алтангэрэл» [Монголын бурханы шашны аман түүх 2012, с. 33–34].

В 1960-х годах у одного человека, который был по рангу равен Ц. Лувсан-гуаю из Дашчоймпол-дацана монастыря Гандан-Тэгчинлина, но давно стал мирянином, заболел маленький ребенок и все время плакал. Родители обратились за советом к ламе по имени С. Галарид, который был монахом в Гандан-Тэгчинлине. «Два раза закажите чтение “Цанто дацана», – сказал тот. Заказали чтение «Цанто дацана», и ребенок выздоровел. Призывание имен ученых лам – это большое благодеяние, – сказал Ц. Лувсан-гуай [Монголын бурханы шашны аман түүх 2012, с. 15].

Все эти примеры свидетельствует о существовании устойчивого представления о том, что священный текст, магическая формула или имя божества, а также сочинения о божествах, священных предметах и явлениях подавляют зловредных духов и демонов, а шире – гармонизируют окружающую обстановку, делают ее «благожелательной» к тому или иному человеку, семье и т. д. Если в церковной ритуальной практике функции каждого молитвенного текста более или менее определены, то в устных легендах границы между полями их применения размыты, а сами поля сужены. Например, если среди регулярных богослужений, которые заказывают люди, можно встретить поминальные молебны, чтение молитв, уничтожающих «все препятствия», молитвы о преумножении богатства, об «устранении омраченности сознания

и улучшении кармы» и т. д., то устные рассказы говорят преимущественно об избавлении с помощью произнесения священного текста от болезней и бедности.

На этом фоне примечательны устные истории о ламе Дашдорже, которые были популярны в первые десятилетия XX в. в столице Северной Монголии Их-Хурэ. Они ничем не отличаются от других устных новелл о чудотворных буддийских монахах, которые были широко распространены у монголов, преимущественно в монашеской среде. Обычно их рассказывали о великих ламах, о местных крупных иерархах, о прославленных «чудотворцах» и т. д. Вот несколько таких легенд.

Один лама, который жил в дацане Цанид монастыря Хурэ и которому пришлось время пройти испытания, из-за отсутствия средств, необходимых для подношений во время такого «экзамена», пребывал в растерянности и печали. Тогда его друзья-ламы посоветовали ему пойти к Хубилган-ламе² и поделиться с ним своим горем – он, мол, подскажет, что делать.

Когда этот лама спросил у Хубилган-ламы, что ему делать, тот сказал:

– Отправляйся в южном направлении, там найдешь деньги. Скажу тебе еще вот что. Подавившемуся человеку помогает теплое масло, понял?

Тот монах вышел из Хурэ и пошел на юг. По дороге ему встретился один *айл*. Он решил попить там чаю и вошел в юрту. Люди внутри ее сидели в большом горе. Они сказали ламе:

– Наш хозяин только что подавился и умер. Мы его положили в отдельной юрте. Пойдите туда и почитайте ему молитвы у изголовья.

Лама вошел в юрту, где лежал покойник, сел рядом и стал читать молитвы. Неожиданно ему вспомнились слова Дашдорж-гуя. Он взял лампадку с маслом, которая стояла рядом, и вылил масло прямо в рот покойному. Тот тут же ожил. Все в *айле* обрадовались и стали спрашивать у монаха, как им отблагодарить его, что подарить. Тогда монах сказал:

– Хорошо бы вы помогли мне пройти испытания.

После этого монах устроил угощение, сделал подношения на испытаниях и успешно их прошел.

Один юноша, сын богатых родителей, стал монахом и прибыл в Хурэ. У него был хороший конь с отличным седлом, много денег. Как только он въехал в Хурэ, ему встретился некий лама, который отобрал у монаха коня с седлом и все деньги.

² Прозвище Дашдоржа.

Лишившись всего имущества и денег, юноша пешком добрался до своего землячества и там в *дацане* Чойра стал изучать учение, преуспел в этом и отлично прошел испытания. Тогда-то его и вызвал к себе Хубилган-лама. Когда тот пришел, Хубилган-лама отдал ему все, что в прошлый раз забрал у юноши, и сказал:

– Если бы я тогда не забрал у тебя имущество, оно бы поработило тебя, и ты бы оставил учебу и пошел торговать. Для того чтобы ты изучал религиозную доктрину, я и отобрал у тебя все, что ты имел. А сейчас настало время тебе вернуть вещи. Сказав так, он спокойно закурил.

Один лама в Хурэ тяжело заболел. Он пил разные лекарства, совершал всякие очистительные обряды, но ничего не помогало. Когда были испытаны все способы, он пошел к *хубилгану* Дашдорж-ламе и попросил спасти его. Дашдорж-гуай пришел к нему в юрту. Он взял подстилку из-под больного, положил ее на телегу, установил там человечка из теста и выбросил подстилку и человечка в овраг, который был неподалеку. Затем он посмотрел в овраг и сказал, прикрыв рот ладонью:

– Говорят, такой-то такой-то из такого-то аймака умер.

С завтрашнего дня тот лама начал выздоравливать.

Когда у Дашдорж-гуая спросили, что все это значит, он сказал, что обманул посланца князя смерти Эрлика.

Одна богатая семья стала беднеть, постоянно испытывая неудачи в делах, поэтому решила обратиться к Дашдорж-гуаю, чтобы он совершил богослужение будде. Дашдорж-гуай пришел к молодому монаху, который делал жертвенные фигурки *балины*, и попросил его сделать *балин* Намсарая. Тот сделал такой *балин* и пришел с ним. Дашдорж-гуай сказал:

– Нос не получился, – откусил нос и съел.

Тот монах сделал новый *балин*.

– Уши не получились, – сказал Дашдорж-гуай и отправил обратно.

На десятый раз он сказал:

– Вот теперь получился! – и спокойно ушел.

– Дашдорж-гуай, а как же ваше обещание совершить богослужение в честь будды? – стали спрашивать те люди.

– Да я десять раз совершил его, чего еще вы хотите? – сказал тот.

С тех пор благосостояние и счастье вернулось к тому *айлу*.

После смерти главы одной богатой семьи счастье и благополучие этой семьи покинуло их. Тогда они решили попросить Дашдорж-гуая вернуть им счастье и благополучие.

– Приду позже с двумя учениками, – ответил тот.

– Через два-три дня мы втроем отправимся в одну семью. Ничего не ешьте и хорошенько прочистите желудок! – наказал он своим двум ближайшим ученикам.

Через два дня они отправились в тот *айл*. Когда пригласившие стали готовить угощение, Дашдорж-гуай сказал:

– Я сам укажу на барана для угощения.

Он вошел в отару овец и указал на рыжего барана с пятном на лбу, который был посвящен божеству:

– Его режьте.

Того барана зарезали и сварили все мясо. Учитель и два ученика съели полностью все мясо. После того, как они съели всего барана, легли спать.

Посередине ночи Дашдорж-гуай разбудил двух учеников и заставил есть жирные пенки *урум* и масло, которые были в деревянной бадье, стоявшей поодаль. Когда они съели все дочиستا, животы у них расстроились, и они опорожнили их тут же.

Наутро хозяева проснулись и всполошились:

– Фу, фу, что за запах, откуда?

Тогда Дашдорж-гуай сказал хозяйке:

– Ну-ка перенеси очаг. Хозяйка сдвинула очаг, и Дашдорж-гуай опорожнился на пепел под очагом. После этого он собрался уходить вместе со своими учениками.

– Вы же обещали прочитать молитвы, куда же вы? – спросили хозяева.

– Да все уже хорошо, – ответил он.

После этого счастье и благополучие вернулись к той семье.

Дело, оказывается, было в том, что черт, который вредил их счастью и благополучию, вошел в желтого барана, посвященного духам. Когда барана зарезали, он перебрался в масло и молочную пищу. А когда и она была съедена, вошел в очаг.

Однажды Восьмой *богдо*³ приказал позвать к себе Дашдорж-гуая. До того как Дашдорж-гуай пришел, он посадил в укромных местах нескольких художников и приказал им нарисовать Дашдорж-гуая. Но каждый из них должен был рисовать только определенную часть тела Дашдорж-гуая, одни – лицо, другие – жесты рук, положение ног и т. д. Начать рисовать они должны были по команде *богдо*.

Дашдорж-гуай вошел в самом хорошем расположении духа.

– Вы звали меня?

– Да нет, – ответил *богдо*.

³ Глава северомонгольской церкви.

Дашдорж-гуай ушел.

Вечером *богдо* послал к нему монаха, который передал просьбу прийти к *богдо*. Дашдорж-гуай пришел, уже немного недовольный.

– Вы меня вызывали?

– Нет, не вызывал, – ответил *богдо*.

Художникам *богдо* все не давал знака рисовать.

Поздним вечером *богдо* отправил к Дашдорж-гуаю еще одного человека с приглашением явиться. Тут уж Дашдорж-гуай рассердился. Он вошел с шумом. «Что хочет от меня этот дурацкий тибетский лама?!»

Тогда *богдо* дал знак художникам рисовать. Затем он усадил Дашдоржа за стол, накормил его, напоил и успокоил.

Художники нарисовали те части, которые должны были нарисовать, соединили картинки, и получилось изображение гения хранителя Таван-хана.

– Поместите изображение в *дацан* Бадам-Ёга и покажите его Дашдоржу, – приказал *богдо*.

Через несколько дней монах, ухаживавший за зданием *дацана* Бадам-Ёги, пригласил Дашдорж-гуая и показал ему изображения божеств. Тот у каждого божества останавливался и читал молитвы. Когда же приблизился к своему изображению, плюнул в него и ушел. Об этом доложили *богдо*.

– Хорошо! Таван-хан сам благословил свое изображение! – сказал тот.

После этого Дашдоржа стали называть перерождением Таван-хана.

Однажды Дашдорж купил на базаре лошадь и сказал своему ученику:

– Отведи лошадь на бойню к человеку по имени Чадрабал.

Ученик пришел к месту, где забивали скот, и стал разыскивать человека по имени Чадрабал. Явился высокий человек с руками в крови по локоть и сказал:

– Этот Дашдорж все время посылает ко мне каких-то странных животных. Давай-ка эту лошадь! – Он схватил ее под уздцы и увел.

А это был черт, явившийся в образе лошади. Человек по имени Чадрабал был перерождением *бурхана* Махакалы.

Дашдорж-гуай сказал:

– Времена настали плохие. Здесь оставаться опасно.

Он повесил на плечо ружье и ушел к дархатам. Так рассказывают.

Недалеко от местности Сонгино жил старый знакомый Дашдоржа. Однажды он позвал Дашдоржа, так как стал беднеть, терять

имущество и скот. Тот пришел к нему и убедился, что его знакомый действительно прозябает в бедности. Увидев изображение Дзагала в пыли и копоти, Дашдорж разгневался на то, что хозяин так плохо содержал *бурхана*, которого семья почитала много лет. Он порвал изображение и бросил в огонь.

– Что ты делаешь? Разве так можно? – закричал хозяин.

– Можно! Это жертвоприношение! – ответил лама. – Теперь готовься! Вот там поставь большой загон для овец, там – коновязь, там – сарай, там амбар и т. д.

Все удивились, а Дашдорж спокойно ушел.

Вскоре хозяин нанялся идти с караваном по торговым делам в Кяхту. В Кяхте караванщики, выручив деньги, решили попытаться счастья в лотерее. Все купили по билету. Самый большой выигрыш выпал знакомому Дашдоржа. Он так разбогател на эти деньги, что действительно поставил большой загон, коновязь, сарай и амбары. Скот его заполнил долины по двум сторонам реки.

Дашдорж-гуай из общины Хубилган распространил слух об одном *ундзаде* из Их-Хурэ, что он, мол, вор. Сколько бы *ундзад*, которого заподозрили в воровстве, на оправдывался: «Я ничего не крал у Дашдоржа!» – ему ничего не помогало. Когда наступил Новый год, Дашдорж-гуай взял ритуальный плат *хадак* и на глазах у множества лам поднес его тому *ундзаду*. «Простите меня, что я обвинил Вас в воровстве! Вы ни в чем не виноваты», – сказал он.

Впоследствии на вопросы, зачем он оговорил того *ундзада*, Дашдорж-гуай отвечал:

– Уж слишком хорошая слава шла о нем, поэтому его хотели забрать к себе *дагини*. Я же, испортив его имя, помог ему остаться здесь.

Такой он придумал способ, когда его хотели «забрать *дагини*», что означает, что он должен был умереть раньше срока [Монголын бурханы шашны аман түүх 2012, с. 16–35].

Чем же эти легенды отличаются от прочих рассказов о святых ламах? Чем известен Дашдорж из Их-Хурэ и почему рассказы о нем были популярны? Ему приписывали чудесную силу, умение вернуть людям счастье и благосостояние, излечивать, подавлять злых духов. Причем все это не благодаря буддийской учености, а в силу природных магических способностей. По-видимому, именно поэтому его прозвище, происходившее из названия монашеской общины в Их-Хурэ «Хубилган», стало источником представлений о том, что Дашдорж был перерождением, или *хубилганом*, какого-то божества. Однако популярность рассказам о нем придавала, прежде всего, вера людей в то, что само повествование

об этом ламе имеет чудотворную силу. Даже в 1970–1980-х гг. об этом помнили жители г. Улан-Батора, бывшего Их-Хурэ. Вот что пишут издатели легенд о нем:

Дашдорж из общины Хубилган жил во времена Восьмого *богдо-гэгэна*. О нем говорят разное – что он был перерождением гения-хранителя Таван-хана, перерождением *бурхана* Намсрая и т. д. О человеке, который известен как лама общины Хубилган Дашдорж, существует много рассказов. Когда ламы монастырей Хурэ собирались в своем кругу, устраивали праздники или отдыхали после богослужений, они часто рассказывали истории о Дашдорже. Говорят, это объясняется тем, что рассказы о Дашдорже помогали устранить всяческие препятствия, неудачи и потери. Поэтому в Хурэ рассказы о Дашдорже были очень популярными [Монголын бурханы шашны аман түүх: 16].

Это довольно редкий (по крайней мере, я больше не встречала) случай, когда благотворным считалось простое упоминание ламы, обладавшего, по представлениям его современников, чудотворной силой, но не выделявшегося из ряда других лам ни ученостью, ни святостью. Хотя эти легенды напоминают обычные рассказы монгольских буддистов о ламах, владевших особой магической силой, их функция была несколько иной, чем обычно. Они были призваны подавить дурные силы одним лишь произнесением имени этого ламы. Так Дашдорж стал ламой-*мантрой*, ламой-молитвой.

Об истоках этого явления мы можем только гадать. В монгольских исторических источниках встречается имя некоего Дашдоржа, бывшего в конце XIX – начале XX в. старшим ламой (*да-лама*) столичного монастыря. Он был известен тем, что критиковал маньчжурскую власть и продажных монгольских чиновников. Среди официальных бумаг маньчжурской администрации в Монголии есть требование, гласившее: «Немедленно доставить подданного Дашдоржа, который препятствует ровному управлению монгольским народом... Дашдорж разъезжает, как и куда ему вздумается, стенает и вводит людей в смущение. Его следует если не арестовать, то запретить ему самовольно передвигаться... Просим выделить подданного ламу и сопроводить его в Улясутай» [Богд хаан 2013, с. 26]. Дашдорж был снискавшим уважение народа ламой, который ездил по Монголии и говорил то, что ему вздумается. Возможно, речь идет именно о герое наших легенд, антиманьчжурская позиция и откровенные выступления которого послужили основой его популярности и придания его имени особого сакрального характера.

Еще одним фактором, послужившим известности фольклорного героя Дашдоржа, по-видимому, были некоторые его плутов-

ские черты, характерные для образа, близкого к трикстеру. Именно с такой точки зрения можно рассматривать повествования о его проделках с *ундадом*, которого он объявляет вором, чтобы того не забрали на небо *дагини*; о подавлении черта с помощью испражнения на очаг. Подобный герой близок устной монгольской традиции, вспомним хотя бы рассказы о трюках и шутках бродячих монахов *бадарчинов*. Однако никто из последних не стал «ламой-молитвой».

Литература

- Богд хаан 2013 – Богд хаан. Намтар цадиг, сургаал айлдвар, бошиг лүндэн (Богдо хан. Биография, поучения, повеления). Улаанбаатар: Төрт ёс, хаадын сан, 2013.
- Ёндон, Сазыкин 1998 – Ёндон Д., Сазыкин А.Г. Монгольская версия рассказов о пользе «Алмазной сутры» // *Mongolica-IV: 90-летию со дня рождения Ц. Дамдинсурэна посвящается* / Отв. ред. С.Г. Кляшторный; сост. И.В. Кульганек. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. С. 36–47.
- Монголын бурханы шашны аман түүх 2012 – Монголын бурханы шашны аман түүх. II. Эмхэтгэсэн Ж.Ерөөлт (Устная история буддизма в Монголии. II. Составил Ж. Ерөөлт). Улаанбаатар: Admon, 2012.
- Сазыкин 2006 – Монгольские переводы «Манджушри-нама-сангити». *Mongolian Translations of Mañjuśrī-nāma-saṃgīti* / Сост. А.Г. Сазыкин. Киото: Kyoto University, 2006.
- Хар домын судар 1990 – Хар домын судар. Монгол үсгээс буулгасан С. Баяндорж (Сутра о заговорах. Со старой монгольской письменности переложил С. Баяндорж). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн комбинат, 1990.
- Damdinsürüng 1959 – Ёе. Damdinsürüng. *Mongᠡᠶᠣᠯ ᠤᠷᠠᠨ ᠵᠣᠻᠢᠶ᠋ᠠᠭ-ᠤᠨ degeᠭᠢ ᠵᠠᠶᠤᠨ bilig orosibai* (Сто образцов монгольской литературы). *Ulaᠭᠠᠨbaᠭatur: BNMAU-un Sinjileküi uᠭᠠᠶᠠᠨ ba degedü bolbasural-un küriyeleng-ün keblel*, 1959.

References

- Bayandorj, S. (ed.) (1990), *Khar domyn sudar. Mongol ysgees buulgasan S. Bayandorj* [A sutra on spells. Adapted from old Mongolian script by S. Bayandorj], Ulaanbaatar, Mongolia.
- Bogd haan. Namtar tsadig, surguul aildvar, boshig lunden* (2013) [Bogdo khan. Biography, homilies, commandments], Ulaanbaatar, Mongolia.
- Ёе. Damdinsürüng. *Mongᠡᠶᠣᠯ ᠤᠷᠠᠨ ᠵᠣᠻᠢᠶ᠋ᠠᠭ-ᠤᠨ degeᠭᠢ ᠵᠠᠶᠤᠨ bilig orosibai* (1959) [A hundred examples of Mongolian literature], Ulaanbaatar, Mongolia.

- Eroolt, G. (ed.) (2012), *Mongol burkhany shashny aman tuuh. II* [Oral history of Buddhism in Mongolia. II], Ulaanbaatar, Mongolia.
- Sazykin, A.G. (ed.) (2006), *Mongol'skie perevody "Manjushri-nama-sangiti"* [Mongolian Translations of Mañjuśrī-nāma-saṃgīti], Kyoto, Japan.
- Yondon, D., Sazykin, A.G. (1998), "The Mongolian version of tales of benefits of "The Diamond sutra", in Klyashtorny, S.G., Kul'ganek, I.V. (eds.), *Mongolica-IV. 90-letiyu so dnya rozhdeniya Ts. Damdinsurena posvyaschaetsya* [Mongolica-IV. Dedicated to 90 years since the birthday of Ts. Damdinsuren], Saint Petersburg, Russia, pp. 36-47.

Информация об авторе

Анна Д. Цендина, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6;
НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия; Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; annatsendina@gmail.com

Information about the author

Anna D. Tsendina, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University of the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993;
Higher School of Economics, Moscow, Russia; bld. 20, Myasnitskaya Str., Moscow, Russia, 101000; annatsendina@gmail.com